Ей внезапно улыбнулась удача?

Или просто она такой человек?

В общем, в субботу ничего серьезного не произошло.

Может быть, действуют принятые меры?

Если говорить о том, что все-таки произошло, – за ужином она умыкнула вкусный кусочек у старшего брата. Наконец-то купила в инете кое-какую компьютерную периферию, в которой долго себе отказывала из экономии. Когда в доме никого не было, позировала в одном белье перед самым большим зеркалом. Из любопытства к мужскому образу жизни проникла без разрешения в комнату брата и начала искать порножурналы (но тут же прекратила и поэтому ничего не нашла). Вот, собственно, и все.

Да, ничего серьезного не произошло… по ее мнению.

Держась на связи с остальными, она убедилась, что и у них «высвобождение желаний» производило лишь вот такие эффекты.

К примеру, кое-кто заглянул в мобильник младшей сестры из беспокойства, не появился ли у нее парень, и из-за этого сестра с ним весь день не разговаривала, а на следующий день ему пришлось купить ей кучу сладостей.

К примеру, кое-кто, возвращаясь домой из магазина, захотел влезть на дерево и влез, но, подумав, осознал, что из-под юбки шикарно видны трусики, и страшно застеснялся.

К примеру, кое-то подумал, что хорошо бы из этого мира полностью исчезла учеба, и выкинул все свои учебники и тетради в бак для бумажных отходов, а потом поспешил забрать их обратно.

Даже если другие их за этим заставали, то максимум – говорили с улыбкой «что за глупости» и укоряли.

Завтра, в понедельник, придется выйти из дома.

Вести себя как обычно. Как обычно. Как обычно.

Сегодня тоже надо будет стать для остальных примером и вести себя как обычно.

Если соблюдать предельную осторожность, наверное, все смогут нормально прожить этот день,

ведя себя как обычно.

Они хорошие люди.

Тому, кто добродетелен, нет нужды бояться этого феномена.

Поэтому если вести себя как обычно, то у всех все будет хорошо.

И у нее тоже…

…нет, у нее другие обстоятельства.

У нее была не то чтобы тотальная мизантропия, но она действительно не доверяла другим.

Она отдавала себе отчет, что этот мир полон «врагов».

Почему? Потому что она считала, что люди – черные существа.

Почему? Потому что она сама черная.

Но ведь при этом она думала, что они – хорошие люди?

Кто знает?

Что правильно, а что нет, она сам не понимала.

Сама-то она какой человек?

■□■□■

На перемене после второго урока вернувшаяся в класс Иори Нагасэ сообщила Тайти Яэгаси:

– Я заглянула в один-один – сегодня Юи тоже не пришла…

– Вот… как…

Юи Кирияма отсутствовала уже четыре дня, не считая выходных.

Волей-неволей Тайти забеспокоился, что что-то произошло.

– Когда я ей звякнула, она сказала, что в порядке, но…

Как раз когда Нагасэ пробормотала эти слова, к ним подошла Химэко Инаба.

– Не хочется думать, что она сломалась…

– Сломалась… что сломалась? – переспросил Тайти.

– Не удивлюсь, если… и от этого феномена, как и от предыдущего, Юи развалится.

Сломается. Развалится. Даже такие слова не выглядели преувеличением.

– Сегодня непременно зайдем к Юи. Даже если она говорит, что не нужно. Я знаю дорогу, – с тревогой в глазах произнесла Нагасэ.

– Ага, точно, – напряженно кивнул Тайти.

– Вы, ребята, еще не знаете, что именно произошло, а уже делаете такие серьезные лица. Улыбайтесь, улыбайтесь. Если будете создавать унылую атмосферу, Юи ее тоже может подхватить, и эффект будет противоположным. Так что держать хвост морковкой!

И Инаба, беспокоясь о состоянии их всех, улыбнулась.

Почему у Тайти возникла такая ассоциация, он не знал, но на миг улыбка Инабы показалась ему самой хрупкой.

■□■□■

Кирияма жила в двухэтажном домике в спальном районе.

«Да?..» – раздалось из интеркома, когда Тайти нажал на кнопку вызова во второй раз.

Сиплый и унылый – но, несомненно, голос Кириямы. Тайти чуть полегчало от того, что к двери не подошел кто-то другой.

– Кирияма-сааан, вы-хо-ди и-грать! – прокричала Нагасэ, точно маленький ребенок. Насколько это были ее искренние чувства, насколько притворные, Тайти не знал, но прозвучал ее голос очень весело.

«Ээ, стоп. И… Иори? Правда ты? Почему…» – Кирияму явно переполошило то, что о визите с ней не договорились заранее.

– Кстати, я тоже здесь. И Инаба-ттян, и Тайти, – придвинувшись сбоку, сказал Ёсифуми Аоки и помахал интеркому рукой.

– Тут нет камеры, – уколол Тайти, не уверенный, понимает это Аоки или нет.

«Уэ, ээ… вы что, все там?..»

– Мы пришли тебя навестить, можно мы зайдем? Или это твоим домашним не понравится? – отпихнув Аоки в сторону и придвинувшись к интеркому, спросила Нагасэ.

«Дома никого нет, но… нельзя! Не входите… Уходите…»

Голос дрожал. Однако отказ в нем чувствовался ясно и твердо.

– Это из-за парней? Если только мы с Инабан зайдем, нормально?

«Не в этом дело… В общем, я вас не впущу».

– Но почему…

– Эта форма… Наверное, вы друзья Юи? Пришли к ней по делу?

Домой вернулась, по-видимому, мать Кириямы.

Похоже, Кирияма все это время безвылазно сидела у себя в комнате.

Срабатывала худшая из возможных гипотез.

– Эй, Юи! Открывай! К тебе пришли друзья! – прокричала мать Кириямы, стуча в дверь ее комнаты.

«Не хочу их! Пусть уходят!» – вернулся из-за двери голос, тоже перешедший в крик.

– Простите, пожалуйста… В последнее время она оттуда почти не выходит…

Мать Кириямы повернулась к Тайти и компании и с виноватым видом поклонилась. В принципе

довольно хрупкого телосложения, сейчас она показалась совсем маленькой.

– Такого у нее до сих пор никогда не было… Видимо, все-таки тот случай с полицией на ней очень сильно сказался…

– Все будет хорошо. Сейчас она просто немного растеряна, мне кажется. Скоро опять станет бодрой и энергичной, – и Инаба открыто и вежливо улыбнулась. Подумать только, она и вот так умеет общаться с людьми.

– Вот именно, матушка! Положитесь на нас!

– Аоки, как-то ты странно подчеркнул «матушку»… хотя ладно.

Тайти начал было подколку, но передумал. Лень было.

– Спасибо вам, что заботитесь о моей девочке… – и мать Кириямы снова поклонилась.

«Нет-нет», – заотнекивались друзья.

– Ну… здесь я буду вам только мешать. Я буду на первом этаже, если что-то понадобится, позовите, – сказала напоследок мать Кириямы и спустилась по лестнице. Со спины она выглядела как-то печально. Если вспомнить – и лицо ее было бледноватым.

Непосредственно этот феномен затронул, конечно, только пятерку из КрИКа. Но влияние его распространялось и на окружающих. Тайти ощутил всю тяжесть этого бремени.

– Юи. Заставлять маму грустить – это никуда не годится.

Нагасэ редко говорила таким сердитым тоном. Сама она после нескольких разводов ее матери жила без отца и, видимо, поэтому была особенно чувствительна к отношениям между матерью и дочерью.

– Короче, Юи. Давай разок нормально поговорим. Все-таки сейчас серьезное дело.

Несмотря на эту попытку убеждения со стороны Аоки, Кирияма упорно отказывалась открывать дверь.

«Вот поэтому… уходите… Я очень благодарна, что вы обо мне беспокоитесь… Еще чуточку потерпите, я снова вернусь в школу…»

– Пф, что за морока, – сказала Инаба и стала разминать шею.

– Ты что-то… собираешься сделать? – с содроганием спросил Тайти.

– Ничего особенного. Просто подумала: не сказать ли волшебное слово для мгновенного отпирания двери?

– Ты вообще кто…

– Кхем. Итааак, до тех пор, пока мы не войдем в комнату, я буду по одному раскрывать секреты Юи Кириямы-сан. Для начала – ее три размера. Сверху вниз…

Щелк.

– Погодипогодипогодипогодиииии! Уже впускаю, погодиииии!

– …Пф, а так было бы интересно, если б я успела всякое этакое порассказать…

«Кирияма правильно сделала, что сразу сдалась», – подумал Тайти.

Кирияма сидела на кровати, съежившись и обхватив руками колени. На ней была кофта и спортивные штаны – в общем, повседневная домашняя одежда. Длинные каштановые волосы, всегда ухоженные, сегодня были в беспорядке, лицо выглядело утомленным.

Четверка гостей уселась на полу. Им было чуточку тесновато.

– Прости, что внезапно свалились на тебя, Юи. Просто очень сильно беспокоились…

– Не, все нормально, Иори. Я же ничего вам не сказала, просто заперлась – естественно, вы решили, что это странно, – и Кирияма, прижимая к груди подушку в цветочек, помотала головой.

– Ты себя плохо чувствуешь? Тогда мы сразу уйдем. …Кстати, у тебя на лбу здоровенный прыщ, это как-то связано?..

– Нет-нет-нет! Не смотрите! Ай! – Как только Аоки указал на прыщик, Кирияма поспешно зачесала челку на лоб пятерней. – Это… самая большая ошибка всей моей жизни…

– Может, просто переела? – спросила Инаба, и Кирияма с пораженным воплем свалилась на кровать.

Похоже, Инаба попала в яблочко.

– Не… неправда… Вчера почему-то внезапно страшно захотелось сладкого… Ну, я об этом часто думаю, но… но на этот раз не удержалась… Потом, когда поняла, сколько это калорий… готова была умереть…

Видимо, «высвобождение желания» произошло как раз тогда, когда Кирияма была голодна или просто ей захотелось сладенького.

– Может, ты из-за этого прыща школу прогуливаешь, а?

– На такое даже я не способна! – выпрямившись, ответила Кирияма на слова Инабы.

– Значит, причина – «высвобождение желаний», которое устраивает нам Халикакаб? – тут же спросила Инаба.

Кирияма задрожала всем телом.

Ее лицо побледнело.

Да, Кирияму можно читать, как открытую книгу.

Читать ее даже слишком легко, но вот как ей что-то донести, наоборот, непонятно.

Однако молчать тоже не годится.

– Юи… это ужасно. Высвобождать желания очень тяжело, – утешающим тоном сказал ей Аоки. Искоса глянув на него, Тайти спросил:

– А какова причина «высвобождения желаний»?

На глазах Кириямы тут же выступили слезы, брови выгнулись домиком.

– Тайти. Ты не мог бы как-то помягче спрашивать?

Нагасэ посмотрела на Тайти укоризненно.

– Э… извиняюсь.

– По мне так нормально. Это лучше, чем ходить вокруг да около.

– Инабан и Юи – не одно и то же.

Инаба с видом «ага, ага» отмахнулась от сердитой Нагасэ и снова обратилась к Кирияме:

– Послушай, Юи. «Высвобождение желаний» и есть главная причина, почему ты решила заделаться хикикомори? В полном объяснении ситуации нет необходимости? Я понимаю: если ты не знаешь, когда в следующий раз твое тело начнет двигаться против воли, естественно, хочется запереться… С тобой так и было, да?

Опустив глаза, Кирияма кивнула.

– И? Что за хрень, Юи? Мы все в одном положении, ты в курсе?

– Но ведь! …Но ведь… Не хочу еще кому-то… делать больно…

Из глаз Кириямы закапали слезы.

Кирияма больше всего боялась сделать кому-то больно.

Эти чувства всем были мучительно ясны.

– Я, я в тот день… когда увидела, как мальчишки пристают к девушкам… подумала не то «Уаа, гадость какая», не то «Надо их выручить»… и тут услышала [голос] и каак взорвалась…

– Потому что нам Халикакаб эту странную фигню… – попыталась было объяснить Нагасэ, но Кирияма перебила ее, прокричав:

– Но я что, правда тогда подумала, что «хочу напинать этих типов»?!

Чувства, рожденные в самом сердце, – истинные чувства человека, факт.

Этого достаточно, чтобы заставить его испытывать вину и страх.

– Ведь меня же всегда от парней воротит… Если еще что-то произойдет… не знаю, что может случиться… и вот поэтому… из дома не выхожу…

Вполне естественное чувство, подумал Тайти.

Но в следующий миг…

– …Кончай изображать жертву, – с искаженным от злости лицом выплюнула Инаба. – И не пытайся сбежать, запершись в комнате.

Она сверлила Кирияму сердитым, пристальным взглядом.

Инаба явно злилась.

Но злилась по-обычному? Или же это «высвобождение желания»?

– Но, но… если я ни с кем не встречусь, то и больно никому не сделаю… разве нет?

– Ты вообще понимаешь нынешнюю ситуацию? Или не понимаешь? – Инаба надвинулась на испуганную Кирияму.

– Эй, Инабан!

– И-Инаба-ттян!

– Успокойся, Инаба!

Нагасэ, Аоки и Тайти попытались ее остановить.

Однако Инаба не остановилась.

– Мы все сейчас в лапах этого дерьмеца-идиота, Халикакаба или как он там себя называет. И этот тип, похоже, считает нас интересными. Поэтому и устраивает то «обмен личностями», то «высвобождение желаний». Пока сечешь?

Ярость Инабы словно с силой отпихнула всех остальных назад, они потеряли дар речи.

Глядя на Инабу, вовсе не стремящуюся протянуть им руку, а лишь продолжающую говорить, Тайти не знал, что делать.

– Конечно, лучший способ избавиться от проблем «высвобождения желаний» – это стать хикикомори. Правильный ответ, Юи. Однако этот способ не только лучший, но заодно и худший.

«Хикикомори – это против правил?»

Тайти вспомнил, как Инаба задала Халикакабу этот вопрос.

– Там, где никого и ничего нет, ничего и не произойдет. Так что этот способ – наша лучшая защита, и он же – лучшая атака.

Инаба поставила одну ногу на кровать Кириямы и продолжила:

– Только ответь: как ты думаешь, ему это будет интересно?

Ни мыслей, ни планов Халикакаба они не знали, а могли лишь догадываться, но здравый смысл подсказывал: нет, неинтересно.

– Повторяю вопрос: ему это будет интересно? А если этому типу будет неинтересно, то что он сделает? Мне приходят в голову три варианта. Первый: раз ему неинтересно, он отступится. Второй: подождет, пока не станет интересно. Третий: сделает так, чтобы стало интересно.

Тайти пребывал в холодном восхищенном ужасе от того, насколько глубоко Инаба проанализировала ситуацию.

– Я у него спросила: «Хикикомори – это против правил?» И он ответил: «Это особенно интересно. И при необходимости я могу сделать это еще интереснее».

Кирияма, забыв про слезы, побледнела и застыла.

– Фактически он заявил, что намерен идти не по первому, а по второму или третьему пути. Конечно, веры ему нет, так что он мог и соврать. Но мог и сказать правду. Впрочем, важнее всего то, что он способен это сделать.

И Инаба закончила свой монолог:

– Сбегая к себе в комнату, ты добиваешься того, чтобы «высвобождение желаний» длилось вечно? Или чтобы он устроил нам что-нибудь еще похлеще? Ты хоть понимаешь, что, облегчая себе жизнь, доставляешь массу проблем другим? Понимаешь, а?

– Уже… не знаю… я… что делать…

Лицо Кириямы исказилось, и она начала всхлипывать.

– Не веди себя как ребенок, не думай, что достаточно поплакать, и тебя спасут.

Эти слова нанесли Кирияме последний удар.

– Инабан! Это уж слишком! – воскликнула Нагасэ, пытаясь остановить Инабу, но опоздала.

Зарывшись в футон на кровати, Кирияма расплакалась.

Она даже подняться не могла.

Лишь приглушала плач, стараясь не слишком шуметь.

Даже смотреть на нее было больно.

Инаба, договорив, погрузилась в молчание.

Нагасэ влезла на кровать и принялась нежно, словно что-то хрупкое, гладить Кирияму по спине.

Инаба, наоборот, убрала ногу с кровати. Ее выражение лица Тайти тоже было знакомо.

Бледное лицо, в котором не осталось ни намека на недавнюю агрессивность.

Губы были сжаты так сильно, что, казалось, в них не осталось ни кровинки.

На лице было написано такое горе, что Тайти не решился окликнуть Инабу.

Вскоре Инаба, пошатываясь, села – почти свалилась – на пол возле кровати.

Похоже, все, что она наговорила, было из-за «высвобождения желания». Какой бы жесткой ни была Инаба, в обычном состоянии она бы вряд ли так безжалостно обошлась с Кириямой.

– Прости… Юи… Я не хотела столько всего наговорить… Нет, в принципе… настолько сильно злиться не хотела… Случилось «высвобождение желания», и вот так вышло… Причинила боль Юи… вообще другому человеку… Наверное, тебе сейчас так плохо… из-за моих необдуманных слов… Прости… Извини меня…

Отчаянно выжимая из себя слова, Инаба вытянула руку к Кирияме.

– Но… Инаба… ты так… в самом деле… думаешь… – сквозь всхлипывания прерывисто произнесла Кирияма.

Вытянутая рука Инабы задрожала, словно потеряв цель, и упала, так и не коснувшись Кириямы.

Тайти содрогнулся.

Настолько сильную боль приносит этот феномен, настолько безжалостно рвет связи между людьми.

В тот день Кирияма так и не смогла выйти из дому.

■□■□■

На следующий день Кирияма тоже не пришла в школу.

После драки она приобрела немалую известность, и ее отсутствие было обречено стать главной темой школьных пересудов.

Тайти, как ее однокружковца, тоже несколько человек расспрашивали.

Сгорая от беспокойства, Тайти попытался, не обращая внимания на уроки, подумать о Кирияме – но не решился.

Что если прямо сейчас произойдет «высвобождение желаний»?

Один раз он уже попытался убежать, когда у него высвободилось желание спасти Кирияму.

С того раза, когда Нагасэ завопила во время урока, Тайти и его друзья на занятиях «косяков» не допускали.

С одним человеком могло произойти от нуля до трех «высвобождений желаний» в день, и это при том, что предложенные Инабой меры работали.

По ее словам, во время уроков нужно было либо «изо всех сил сосредотачиваться на занятиях», либо «спать».

Нагасэ и Инаба искусно чередовали учебу и сон, а Аоки, у которого учеба не была сильной стороной, сделал рискованный ход: накануне вечером лег очень поздно и теперь спал мертвецким сном.

Тайти сосредотачиваться на уроках было нетрудно. В итоге всякий раз, когда он слышал [голос], возвещающий «высвобождение желаний», он закидывал учителя вопросами.

Поэтому сейчас думать о Кирияме было нельзя. Только занятия; вот потом…

Время тянулось медленно.

На перемене.

Поскольку на следующий урок нужно было перейти в другой кабинет, в кабинете класса 1-3 почти никого не осталось.

– Поторопись, Яэгаси. А то не успеешь.

Услышав голос Синго Ватасэ, Тайти тоже встал.

И тут в классе раздался еще один, сердитый голос:

– Я-то почем знаю! Чего меня спрашивать?!

Сердитый голос принадлежал Нагасэ.

– А? Я всего-то спросила, как у Кириямы дела, – и девушка, чей голос Тайти только что услышал, обиженно надулась.

– Это я и сама хотела бы знать! – громко выкрикнула Нагасэ и – сделала еще более удивленное лицо, чем ее собеседница.

– Зачем обязательно так беситься?

– А… не… нет. Эмм… я не хотела на тебя кричать… – смущенно ответила Нагасэ рассерженной девушке.

Судя по всему, «высвобождение желания»?

Тайти попытался было прийти на помощь – но вновь не решился.

Что если «высвобождение желаний» произойдет как раз тогда, когда он будет останавливать накинувшуюся на Нагасэ девушку?

Не он ли недавно попытался поднять руку на Фудзисиму всего лишь за то, что она в шутку сказала Нагасэ кое-что сделать?

Но шанс, что сейчас произойдет «высвобождение», довольно мал…

Нет. Хоть этот тип и устраивает «высвобождение желаний» случайно, но и намеренно он его тоже устраивает.

Если сейчас он за ними наблюдает, то упустит ли такой момент?

– Может, ты кое-чего не понимаешь, потому что сама тоже красивая, а?

– Не… это вовсе не…

У девушки, атакующей Нагасэ, все лицо покраснело от гнева.

– Эй, тебе не пора пойти спасать свою любимую? – шутливым тоном, но с серьезным лицом спросил Ватасэ.

– А… но…

Вдруг рядом возникла фигура Химэко Инабы.

Если предоставить все ей, наверняка как-нибудь обойдется.

Так подумал Тайти.

Но.

Инаба покосилась на ошеломленную Нагасэ и, не произнеся ни слова, вышла из кабинета.

Это потрясло Тайти еще сильнее, чем то, что Нагасэ орала на одноклассницу.

Инаба сделала вид, что не заметила, что Нагасэ в беде, – что за дела?

Он подумал, что это какая-то ошибка. Он подумал, что, может, произошло какое-то странное «высвобождение желания».

– Эй.

Снова услышав голос Ватасэ, Тайти пришел в себя.

Да, проблема Нагасэ.

Решив, что надо все-таки ее выручить, Тайти сделал было шаг вперед, но тут между ссорящейся парой возникла еще одна фигура.

Майко Фудзисима, староста класса 1-3.

– Так, прекратили.

Положив руки обеим девушкам на грудь, она их распихнула чуть подальше. Затем встала рядом с Нагасэ и сказала:

– Прошу прощения, Сэтоти-сан. Все, что связано с Кириямой, – для Нагасэ-сан очень чувствительная тема. Из-за того, что ей с самого утра раз за разом задавали одни и те же вопросы, она стала раздражаться и в конце концов на тебя накричала.

Поправив очки, Фудзисима повернулась к Нагасэ.

– Э… а, ага… Я тоже жутко волнуюсь, все время об этом думаю, ну и в конце концов… Но… всего лишь от вопроса я не должна была выходить из себя. Извини меня, я была неправа.

Вытянув руки по бокам, Нагасэ поклонилась.

– А… ну, чего так уж извиняться… И я тоже прошу прощения. За то, что в конце разозлилась и наговорила всякого. …Возможно, немного лишнего сказала.

– Нет, это же я тебя разозлила. Ой, уже следующий урок скоро начнется. Пошли вместе. …Да, Фудзисима-сан, спасибо тебе.

– Всегда пожалуйста.

Похоже, все успешно разрешилось без участия Тайти.

– Ффуух, крутая все-таки Фудзисима-сан, – произнес стоящий рядом Ватасэ.

Эти слова как вошли в одно ухо Тайти, так и вышли из другого.

■□■□■

После уроков.

Время подумать было, и Тайти думал и о Кирияме, и о Нагасэ с Инабой, но вполсилы. Он беспокоился, что, если слишком расчувствуется, может произойти «высвобождение желаний».

Но после уроков эта тревога исчезла.

В комнате КрИКа собирались лишь причастные; в случае чего они его остановят, и все будет нормально.

Сейчас Тайти не мог даже думать, что он делал бы один. Это раздражало, но в первую очередь – заставляло его чувствовать себя жалким. Однако если его поддержат все, то, наверное, что-то он сможет сделать.

Впрочем, эта надежда Тайти разбилась вдребезги.

– Сегодня я домой. Иори уже знает. Пока, – сказала Инаба собирающемуся в комнату кружка Тайти и быстро вышла из класса.

– Что?.. Эй!

Поскольку Кириямы сегодня не было, никаких проблем решить бы не удалось. Можно было бы что-то обсудить, но без Инабы трудновато и это.

Тайти поспешно вскочил со своего места и побежал за Инабой.

Инаба с выпрямленной спиной зашагала прочь и быстро набрала скорость; когда Тайти выскочил в коридор, она уже почти добралась до обувных шкафчиков.

Бегом он ее все-таки нагнал.

– Эй, Инаба! Чего ты домой решила, дела какие-то?

– Не особо…

Инаба переобулась и со щелчком закрыла шкафчик.

– «Не особо»… Кирияма ведь до сих пор не ходит в школу, так?

– И что? – обронила Инаба и направилась к выходу. Тайти поспешил за ней.

– Что за «и что»? Разве мы сегодня не идем опять к Кирияме?

– Я, даже если бы пошла… только помешала бы.

«Что она такое говорит, – раздраженно подумал Тайти. – Не безответственно ли она себя ведет, когда ее подруга в беде?»

В нем вскипел гнев, но вдруг Тайти сообразил: вчерашнее происшествие, возможно, и Инабе причинило боль.

Кирияма, сделав кому-то больно, этим самым ранила и себя.

Инаба вчера, сурово отчитав Кирияму, сделала ей больно и этим самым наверняка тоже ранила и себя. Вот почему…

[Это и есть причина?]

В голове раздался голос.

Раздался-таки.

Тайти испытал уже привычное ощущение.

Все тело охватил жар; сознание сохранило отчетливость, но будто отделилось от него самого. Собственное тело и собственная воля оказались порознь.

Паршиво, подумал Тайти. Несмотря на «высвобождение желания», он попытался выговорить хоть слово.

Но даже это не получалось.

Губы и язык задвигались сами.

– Помешала бы? Чего это ты сдалась? В любом случае мы должны что-то сделать.

Впервые за это время Инаба остановилась.

– Не думай, что кто угодно… может, как ты, в первую очередь думать о других. Даже у меня… случается иногда, что я думаю только о себе!

– Может, и так, но это не повод бросать человека, которому плохо!

– Кончай навязывать другим свою вонючие идеалы!

Стремление Тайти остановиться пропало впустую.

Импульс внутри него подчинил себе все.

Это значило, что его мысли настолько сильны?

Что вот такой он человек?

«Высвобождение желания» все не заканчивалось.

– Ты меня разочаровала, Инаба. Оказывается, ты способна бросить товарища в беде.

Жестоко. Явный перебор.

– Я и не думал, что ты такая.

Его самого аж затошнило.

Лицо Инабы исказилось от потрясения.

Такое лицо Инабы – на грани слез от шока – Тайти видел впервые.

Незаметно для него самого жар ушел. Сознание тоже вернулось в тело.

Но что-то сдавливало грудь, и Тайти не мог пошевелиться.

Он даже представить себе не мог, насколько сильно обидел Инабу.

– Да, я такая… Прости меня!.. – мокрым голосом ответила Инаба и быстро, словно сбегая, зашагала прочь.

Пересекла спортивную площадку и вышла через главные ворота.

Погнаться за ней Тайти не мог.

Без Инабы в комнате кружка висела какая-то тяжелая атмосфера. Тайти, Нагасэ и Аоки просто разговаривали. А потом снова пошли к Кирияме.

Однако ничего добиться не смогли.

■□■□■

На следующее утро Тайти вышел из дома пораньше, чтобы первым делом лично извиниться перед Инабой.

Он жутко презирал себя за вчерашнее поведение.

Инаба была ему очень дорога. Он считал ее самым надежным человеком из всех. Он уважал ее, считал потрясающей.

И именно потому, что он столь многого от нее ожидал, разочарование заставило его наговорить ей таких вещей.

Теми словами он словно бы сказал: если от тебя нет пользы, значит, ты не нужна – так, что ли?

Тогда его голова была вся забита Кириямой. Он думал лишь о том, как спасти страдающую Кирияму, больше ни о чем.

Думал о том, как спасти одного человека, но при этом с пренебрежением отнесся к другому.

Пусть даже Кирияма страдает – Инаба ведь страдает тоже. Но и этого он не увидел.

Его глупость ранила Инабу. Из-за этого он чувствовал себя просто жалким.

Войдя в класс, Тайти тут же направился к Инабе. Та всегда приходила рано.

– Я вчера послал мейл, но все равно… Прости меня за то, что я по глупости сморозил. Я принял близко к сердцу, что Кирияма заперлась, сильно об этом думал… Случилось «высвобождение желания», и на все остальное я просто не обращал внимания… – сказал, Тайти думая про себя: насколько хорошее это оправдание?

Инаба улыбнулась; ее улыбка выглядела какой-то одинокой.

Вспомнив ее вчерашнее лицо на грани слез, Тайти ощутил, как ему сдавило грудь.

– Ну… ладно тогда.

– Я просто не смог сдержаться. Несмотря на то, что ты была вымотана, я думал только о собственных чувствах…

– Я не против. Кстати, хоть ты и наговорил это все, это же было потому, что ты искренне думал, что хочешь чем-то помочь Юи, верно? Ну, поэтому тебе не нужно сейчас делать такое встревоженное лицо. – ласково – более чем просто ласково – произнесла Инаба, после чего

туманно улыбнулась и продолжила: – Но ни в кружок, ни к Юи я пока что не пойду. Мне тоже… нужно немного времени.

Хоть ей самой и было тяжело, все же Инаба заботилась о других. Даже очень.

Инаба сейчас сильно страдала. Зная это, Тайти от всей души хотел что-нибудь для нее сделать.

Но, судя по вчерашнему, он пытался помогать другим лишь потому, что не хотел видеть их страданий.

Если вот такой Тайти приблизится к Инабе, то, возможно, опять причинит ей боль. Эта мысль пугала.

Теперь-то он хорошо понимал чувства Инабы, пытающейся держать дистанцию.

Если от того, что он не приблизится к Инабе, ее рана хоть чуть-чуть залечится, то, возможно, это единственное решение.

Но даже в этом случае кое-что ему необходимо было сказать.

– Я… очень хочу, чтобы ты оставалась с нами. Потому что считаю тебя своим хорошим другом, правда. Если хочешь, чтобы я тебе помог, скажи в любой момент. И возвращайся как можно скорее.

Эти слова, эти мысли ни в коем случае не были неискренними.

– Поняла. Тогда отойди уже, хорошо? Сейчас я собираюсь полностью сосредоточиться на учебе.

Интонации Инабы были странно ласковыми и в такой же степени печальными.

■□■□■

В комнате кружка после уроков, как и накануне, собрались лишь трое: Тайти, Нагасэ и Аоки.

Кирияма в школе все еще не появлялась. Вчера они трое снова к ней ходили, но ничего существенного не добились.

– Инаба-ттян сегодня тоже не придет?

– Ага… Похоже, те злые слова, которые она сказала Юи, подействовали на нее саму… Все-таки Инабан очень чувствительная, – медленно проговорила Нагасэ. По ее тону ясно было, что она очень сочувствует Инабе.

– Сейчас… возможно, стоит оставить ее одну, – произнес Тайти. Звучало так, что он ее бросает, и это было неприятно, но если думать об Инабе, то, возможно, это было правильнее всего. По крайней мере, пока.

– …Как-то одиноко… – пробормотала Нагасэ, глядя на стулья, где никто не сидел.

Два стула, которые всегда были заняты, пустовали.

Тайти испытывал в некотором смысле чувство потери.

В голову пролезла жуткая мысль: если так пойдет, КрИК может просто развалиться.

– Так или иначе, Инаба через какое-то время вернется, так что давайте пока подумаем насчет Кириямы, – решительно произнес Тайти, и обсуждение началось.

Но сколько они втроем ни говорили, никаких идей, как разрубить гордиев узел, так и не нашлось.

– …Только пустой треп.

– Тайти. Ты это… уже недавно говорил, – указала Нагасэ. Осознав, что он ходит кругами, Тайти глубоко вздохнул.

Спор сам собой увял.

– Что же делать… – сказал себе под нос откинувшийся на спинку диванчика Аоки, глядя в потолок.

– Нам трудно судить, что лучше… И то, что сказала Инабан, и слова Юи имеют свой смысл… – пробормотала в ответ Нагасэ.

Слова Инабы, что стать хикикомори – одновременно и лучший, и худший способ бороться с этим феноменом.

Вытащить Кирияму из дома – это вообще к лучшему будет? Они даже в этом не могли разобраться. Поэтому какие-то активные действия предпринимать было трудно.

Вдобавок, если стать слишком эмоциональными, был риск, что случится что-то неприятное.

В общем, даже что и как думать, было непонятно.

В Тайти все сильнее кипело раздражение…

…[Спаси ее]…

Ему показалось, что он услышал тихий голос.

Ему показалось, что… тело охватил жар.

– Я… все-таки не думаю, что жизнь хикикомори пойдет Кирияме на пользу.

Губы и язык Тайти двигались сами собой.

– Но… если Юи вытащить наружу, ей станет еще хуже.

– Она может причинить окружающим реальный вред. …Ну, хотя мы все в таком же положении.

Аоки и Нагасэ ответили одновременно.

От этих слов, честно говоря, Тайти уже устал.

– Но ведь сейчас, когда Кирияма сидит взаперти, ей просто смертельно грустно, разве нет?

Губы и язык двигались сами собой.

Почему они не понимают, что это самое серьезное?

Хотя Кирияма уже настолько вымотана, что это видно невооруженным глазом.

Он уже не мог на это смотреть.

– Ты сейчас все время думаешь только о том, что делать с Юи. Попробуй думать чуток пошире, – довольно раздраженным тоном сказал Аоки.

– Самое важное сейчас – спасти Кирияму.

Тайти так считал совершенно искренне.

– Этот тип передо мной твердо настроен спасать всех подряд… Опять собираешься собой жертвовать, да?

– Что ты такое говоришь. Аоки, ты ведь тоже хочешь спасти Кирияму, правда?

Стоп.

Губы и язык двигаются сами собой?

Но остановить их движение он не может.

– Хочу, конечно, но я не знаю, что тут можно сделать!

– Значит, надо в первую очередь пойти к Кирияме!

– Ну пойдешь, и что дальше?

– Что-нибудь сделаем.

– Вчера в это же время «что-нибудь сделать» не получилось, а?!

– Так если мы только и будем, что здесь сидеть и трепаться, ничего и не изменится!

Если сидеть на месте, если не идти вперед, ничего изменить не удастся.

– Эй… Перестаньте оба…

– Ну и ладно. Тогда я сегодня один пойду.

Тайти взял свою сумку и встал со стула.

Одни разговоры – впустую потраченное время.

– Хаа? Кончай нести что в голову взбредет!

– Сегодня я сделаю по-своему. Мне удастся спасти Кирияму.

– Тайти, ты кем себя считаешь?! Ты серьезно считаешь, что в одиночку можешь сделать все, что угодно?

– Раньше получалось. Аоки, а вот ты ни на что не способен, верно?

Тут Аоки распахнул глаза и на миг застыл. А потом изменился в лице.

Тайти сразу понял, что произошло.

У Аоки началось «высвобождение желания».

– Эй, сто-…

– Думаешь, у тебя всегда будет получаться?! Думаешь опять забрать себе самое вкусное?! – встав со стула, бросил Аоки в лицо Тайти.

– Что еще за «забрать вкусное»?! Я просто спасу Кирияму!

Тайти резко толкнул в грудь подошедшего к нему Аоки.

– Ты трещишь насчет спасти только потому, что не хочешь смотреть, как Юи страдает, чертов эгоист!

– Заткнись! Уж лучше так, чем быть тупицей, который вообще ни на что не способен!

– Чтооо…

– Вы оба, хвааааатиииииит!!! – душераздирающе завопила Нагасэ. Вклинилась между Тайти и Аоки и распихнула их в стороны.

Ее глаза были распахнуты.

Неужели у Нагасэ тоже произошло «высвобождение желания»?

Тайти, потеряв равновесие, отступил на пару шагов.

– Тайти, самодовольный индюк! Аоки, суперзавистник! – продолжала вопить Нагасэ, стоя перед ними. Стянутые на затылке волосы тряслись. – Вы оба, вы правда думаете о Юи?! И Тайти, и Аоки тоже, вы просто не хотите видеть, как она страдает, правда ведь?!

[Не мешай.]

В голове раздался голос.

На этот раз – совершенно отчетливый.

И жар, который до сих пор охватывал все тело, усилился – Тайти как будто целиком погрузился в теплую воду.

Сознание отдалилось от тела.

Вне всяких сомнений, это «высвобождение желания».

А до сих пор что было?

Может, ему просто показалось, что было «высвобождение желания»?

А услышанный [голос] – слуховая галлюцинация?

Он сам захотел сдаться собственному «желанию»?

Он уже не мог верить самому себе.

Быть может, это все от охватившего его отчаяния?

Сильнее, чем когда-либо прежде, он ощущал, что его сознание отделено от тела.

Сознание плыло.

Сильнейшая эмоция в его душе на тот момент, когда произошло «высвобождение желаний». Это, в первую очередь, желание спасти Кирияму. Эта мысль заполняла Тайти всего. И лишь одно имело сейчас значение: то, что ему помешали.

«Прекрати!» – хотел выкрикнуть он.

Но не смог.

– С дороги! – проорал Тайти и оттолкнул Нагасэ.

Он ее толкнул.

Не так уж сильно.

Просто хотел отодвинуть Нагасэ со своего пути.

Но он-то был парнем, а она девушкой.

Более того, она не ожидала толчка.

Нагасэ потеряла равновесие и врезалась головой в шкафчик.

– Ай! – воскликнула она и, схватившись за голову, села на карачки.

Весь жар из тела Тайти схлынул вмиг.

Сознание вернулось.

– Т-ты как, Нагасэ?! – воскликнул он, подбежав к ней.

И тут.

Аоки швырнул в него решающие слова:

– Вот смотри! Из-за твоего эгоизма другие люди страдают!

Сердце Тайти словно сжали чьи-то когти.

Так и… есть.

Он оказался тем человеком, который из самомнения, не желая видеть страданий другого, причинил страдания третьему – девушке, которую любил.

Никого он выручить не способен.

Перед глазами потрясенного Тайти Аоки тоже застыл на месте.

– …Не, п-погоди! Это, что я сказал, это было чересчур… Про… сти.

Голос Аоки прозвучал слабо и сипло, а в конце вовсе пропал.

Что и как произошло потом, Тайти помнил неотчетливо – все было как во сне.

Вероятно, они на этом и расстались, разошлись по домам.

Но он помнил, что лицо Нагасэ стало немного красным. Что он раз за разом, раз за разом перед ней извинялся. И что Нагасэ ответила лишь: «Ты меня оттолкнул из-за того, что я вмешалась в ваши «высвобождения желаний», так что извиняться не за что».

Тайти сидел один у себя в комнате, завернувшись в футон.

Он был в ужасе от того, что причинил боль другому человеку – причем тому, которого любил.

И он осознал.

Вот, значит, что сейчас чувствует Кирияма.

■□■□■

Она ошиблась.

Поэтому решила больше не приближаться к другим.

Она совершенно не хотела, чтобы из-за нее все рухнуло.

Но она сам напросилась.

И оказалось, что эта нагрузка для нее непосильна.

Но свой фальшивый образ она создала сама.

Делая это, она хотела думать, что она нужна.

Делая это, она хотела создать для себя место в этом мире.

Поэтому разочарование, когда иллюзии рухнули, было вполне заслуженной карой.

Возможно, вернуться туда ей уже не удастся.

От этой мысли заболело в груди. Сердце жаждало.

Загрубевшую душу атаковало слишком много неприятных мыслей.

Ей было страшно вновь сближаться с остальными.

Если чересчур сблизиться, будет больно. Но если чересчур отдалиться, сердце начнет стонать.

Где же лучше всего остановиться?

Делая это, делая это, делая это, делая это, делая это, делая это, она, как оказалось, думала только о себе.

Несмотря на то, что всем сейчас так же плохо, что друзья наверняка тоже беспокоятся, она думала только о себе; в глубине души она была этим сыта по горло.

А остальные до сих пор ошибочно думают про нее, что она не такая.

Лживая маска когда-нибудь свалится.

Самым мучительным было то, что все сломал не кто-то другой, а он.

Самым, самым, самым мучительным.

Она уже не была уверена в своей идеальности.

Она просто глупое ничтожество.

■□■□■

На следующий день в комнату кружка исследования культуры не пришел никто.

http://tl.rulate.ru/book/51682/1302361